

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

ХСVII

С Л О В О

ВЪ

ВЕЛИКУЮ СУББОТУ

ПРИНАДЛЕЖАЩЕЕ

СВЯТОМУ КИРИЛЛУ ТУРОВСКОМУ

СООБЩЕНИЕ

ХРУСАНӨА ЛОПАРЕВА

1893

Printed in Russia.

Напечатано по распоряженію Комитета Императорскаго Общества
Любителей Древней Письменности.

Секретарь *Хр. Лопаревъ.*

Типографія И. Н. Скороходова (Наеждинская, 43).

Въ великомъ вопросѣ о самостоятельности русской митрополи, волновавшемъ Русь въ первой половинѣ XII вѣка, національная партія состояла изъ Онуфрія Черниговскаго, Евѣмія Переяславскаго, Іоакима Туровскаго, Θεодора Владимірскаго, Даніила Юрьевскаго и Θεодора Бѣлогородскаго; во главѣ ея стояли избранный митрополитъ Климентъ и великій князь Изяславъ. Противоположная партія, стоявшая за зависимость Руси отъ Византіи, имѣла представителями Нифонта Новгородскаго, Косму Полоцкаго, Мануила Смоленскаго и смоленскаго же пресвитера Θεому; во главѣ ея стоялъ Нифонтъ и смоленскій князь Ростиславъ. Партія самобытниковъ, какъ извѣстно, потерпѣла вскорѣ тяжелое пораженіе: Изяславъ былъ изгнанъ съ престола, Климентъ сверженъ съ каѣдры, послѣ Онуфрія на черниговскомъ епископствѣ видимъ грека Антонія, Іоакимъ Туровскій также низведенъ съ престола. Очевидно, послѣ національной реакціи съ новою силою водворилось у насъ греческое вліяніе: руссофилы изгонялись съ каѣдръ и замѣнялись грекофилами. Уже поэтому самому а ргіогі можно бы было сказать, что на мѣсто сверженнаго Іоакима князь и кіевскій митрополитъ-грекъ должны были поставить или грека же, или если русскаго, то непременно грекофила. Этимъ, вторымъ, преемникомъ Іоакима былъ св. Кириллъ, епископъ Туровскій. И дѣйствительно, все, что мы знаемъ о немъ, говоритъ въ пользу его приверженности къ Византіи. Въ церковную политику онъ сравнительно мало вмѣшивался, а исключительно посвящалъ себя литературнымъ занятіямъ.

Кириллъ оставилъ намъ нѣсколько церковныхъ словъ, посвященныхъ разъясненію того или другого праздника, нѣсколько по-

*

сланий, принадлежность которыхъ ему заподозривается, и много молитвъ. Проповѣди его написаны подѣ вліаніемъ греческихъ словъ и толкованій, изъ которыхъ нѣкоторыя не существовали еще въ переводахъ и значить были изучаемы Кирилломъ въ греческихъ подлинникахъ. Непосредственное знаніе имъ греческаго языка для насъ весьма важно, ибо этимъ путемъ можетъ быть понятъ истинный смыслъ начальныхъ словъ одной изъ его проповѣдей: „ритори и вѣтїа, сиирѣчь лѣтописци и пѣснотворци приклянѣють своа слухи въ бывшаа между цари рати и оплчєнїа, да оукрасятъ словеса и възвеличатъ мѣжствовавшаа крѣпко по своемъ цари и не давшихъ въ брани плещу врагомъ, и тѣхъ славяще похвалами вѣнчаютъ“ (стр. 60). Какъ кажется, Кириллъ Туровскій намекаетъ здѣсь не только на свое знакомство съ византійскими хрониками, но, повидимому, и съ Гомеромъ. Само по себѣ это не заключаетъ въ себѣ ничего удивительнаго: современникъ его митрополитъ Климентъ также зналъ и даже пользовался Гомеромъ. Вообще Кириллъ воспитался на произведенїяхъ греческой литературы, усвоилъ себѣ извѣстное направленіе византійской проповѣди и явился у насъ подражателемъ и представителемъ такого направленїа. На греческой почвѣ въ IV—V вѣкѣ одновременно существовало двѣ школы проповѣдничества: строго православная (Іоаннъ Златоустый и др.), изслѣдовавшая вопросъ о томъ или другомъ праздникѣ по источникамъ, почти исключительно по евангелію, съ необходимыми пастырскими поученїями; другая (Епифаній Кипрскій и др.), не довольствуясь содержаніемъ евангелїа, пыталась дополнить его новыми, отчасти апокрифическими, элементами; отсюда въ рѣчахъ появились діалоги и драматизмъ того или другого евангельскаго событїа. Въ болѣе позднее время діалогизмъ проповѣдей встрѣчается въ нѣкоторыхъ словахъ патріарха Германа, напр., въ его словѣ на Благовѣщенїе, въ которомъ представленъ разговоръ Богородицы съ архангеломъ Гавріиломъ, и пр.¹⁾ Кириллъ Туровскій былъ послѣдователемъ именно этой второй школы греческихъ ораторовъ, и если онъ называется

¹⁾ Въ славянскихъ спискахъ слово это приписывается неправильно св. Іоанну Дамаскину и подѣ его именемъ издано въ Изданїяхъ Общества 1877, XII.

русскимъ Златоустомъ, то, какъ замѣтилъ еще М. И. Сухомлиновъ, не по характеру своего проповѣдничества, а единственно за свое краснорѣчіе: „формальною стороною словъ онъ сближается болѣе не со Златоустомъ, а съ другими византійцами“¹⁾, проповѣди которыхъ называетъ божественными и святыми книгами наравнѣ съ евангеліемъ. Онъ санкціонировалъ это направленіе греческой проповѣди, призналъ его единственно вѣрнымъ и не допускалъ грѣховнаго, своего собственнаго, отъ своего ума, пониманія и разсужденія. „Не отъ своего сердца изношу сіи слова,—писалъ онъ,—ибо въ грѣшпой душѣ не рождается ни дѣло доброе, ни слово полезное; но мы излагаемъ повѣсть, беря ее изъ книгъ чтеннаго евангелія“²⁾; „ничто здѣсь не написано отъ своего ума“ (стр. 61); „ты, окаянный, произнесъ рѣчь отъ своего ума, а не отъ святыхъ книгъ“ (стр. 63); „все же это я сказалъ не отъ своего умншенія, но отъ святыхъ книгъ: это не мое слово, а моя только устная бесѣда, ибо я не такой учитель, какъ тѣ церковные мужи“ (стр. 72); „обо всемъ этомъ я говорилъ тебѣ не отъ себя, но отъ святыхъ книгъ“ (стр. 101—102); „не мы выдумали эту повѣсть, а заимствовали изъ божественныхъ писаній“ (стр. 110); „я буду говорить тебѣ о святой схимѣ не отъ себя, но отъ священныхъ книгъ“ (стр. 116). Такая именно раздражительность не говоритъ вообще въ пользу самобытности его литературнаго дарованія. Кириллъ Туровскій, не будучи простымъ компиляторомъ, не былъ и самостоятельнымъ мыслителемъ: подавленный авторитетомъ школы аллегориковъ, онъ не хотѣлъ имѣть своего сужденія подъ предлогомъ, что его сужденіе можетъ оказаться ложнымъ. „Привычка и желаніе говорить текстами препятствовали свободному выраженію мыслей автора и придали слогу его искусственность, заслонившую элементъ народный: а только въ народномъ непринужденномъ словѣ можетъ вполне отразиться самобытный образъ мыслей, движеніе чувства, воззрѣніе

¹⁾ Рукопися гр. Уварова, II, стр. XIV и XV.

²⁾ Творенія св. Кирилла Туровскаго, изд. преосв. Евгенія. Кіевъ 1880; стр. 45. Критика справедливо отмѣтила, что русскій переводъ сочиненій Кирилла не всегда отличается правильностью и точностью.

народа“¹⁾). Руководствуясь благочестивою цѣлью, онъ бессознательно готовилъ застой русской мысли и, къ счастью, не нашелъ приверженцевъ среди другихъ писателей.

И въ отношеніи аллегоризма и символизма проповѣдей Кириллъ не былъ исключительнымъ представителемъ: толкованія текстовъ, заимствованныя изъ греческихъ сочиненій, были въ ходу у насъ въ XII вѣкѣ и среди другихъ писателей. Въ половинѣ этого столѣтія въ Кіевской Руси между литературными дѣятелями шла любопытная борьба по вопросу о такомъ или другомъ иносказательномъ пониманіи священныхъ текстовъ, причемъ ясно обозначались двѣ литературныя школы — александрійская и антиохійская. Экзегеза александрійской школы характеризуется аллегоризмомъ, иносказательностью смысла значенія даннаго слова: то или другое *понятіе* понимается не чрезъ его синонимъ, а чрезъ другое, неожиданное понятіе, напр., рогъ—крѣпость, труба—горло, струны—персти²⁾, и т. д. Само по себѣ это было еще ничего, но толкованіе становилось туманнымъ и даже ошибочнымъ, когда писатели одно понятіе замѣняли *разными* другими. Такъ, митрополитъ Климентъ „премудрость“ понималъ въ смыслѣ „божество“, а „храмъ“ — „человѣчество“³⁾. При такомъ символизмѣ можно было понять, напр., текстъ Притчей Соломона „премудрость созда себѣ храмъ“, то-есть: божество создало человѣчество. Но другіе писатели „премудрость“ называли Христомъ, а „храмъ“ — Богородицею⁴⁾; при такомъ толкованіи становился удоботолкуемымъ текстъ: премудрость вселися въ храмъ, то-есть Христосъ вселился въ плоть Богородицы, но толкованіе оказывалось неяснымъ въ отношеніи къ первому тексту, ибо трудно было объяснить, какъ это Христосъ создалъ себѣ Богородицу. Защитникамъ этой школы приходилось быть крайне осмотрительными и прибѣгать иногда дѣйствительно къ сложнымъ объясненіямъ. Что касается до экзегезы антиохійской школы, то здѣсь

¹⁾ М. И. Сухомяковъ. Рукописи гр. Уварова. Спб. 1858. II, стр. XII.

²⁾ Н. К. Никольскій. О литературныхъ трудахъ митроп. Климента. Спб. 1893, стр. 94.

³⁾ Никольскій. 105; Пам. Др. Писъм. XC. 14.

⁴⁾ Рук. Общ. Люб. Др. Писъм. F. ССXI. 179; Никольскій, стр. 139—140.

толкованіе носило обыкновенно характеръ притчи: одна *мысль*, фраза, изреченіе, притча священнаго писанія понималась иносказательно въ другомъ смыслѣ; очевидно, школа эта держалась ближе къ евангелію и въ основѣ своей имѣла толкованіе нѣкоторыхъ притчей самимъ Христомъ. Замѣчательнымъ образомъ, литературная борьба эта велась между національной партіей съ митрополитомъ Климентомъ во главѣ и партіей грекофильской, представителемъ которой является смоленскій пресвитеръ Оома. Климентъ былъ послѣдователемъ вообще александрійской школы экзегетовъ (хотя и у него отведено извѣстное мѣсто антиохійскому методу), вотъ почему онъ и подвергся нападеніямъ со стороны противоположнаго лагеря, усвоившаго направленіе школы антиохійской. Националисты умозрительно понимали священное писаніе, что не нравилось ихъ противникамъ, которые обвиняли ихъ въ склонности къ гордости, философіи и туманности. Какъ и слѣдовало ожидать, св. Кирилль Туровскій, какъ сторонникъ греческаго вліянія на Руси, применилъ къ антиохійской школѣ, хотя кое-что удержалъ и изъ чуждаго ему направленія, напр., въ своихъ проповѣдяхъ, гдѣ этотъ аллегоризмъ, по словамъ Н. К. Никольскаго (стр. 95), явился, впрочемъ, какъ „результатъ передачи библейскихъ повѣствованій въ поэтико-символическихъ образахъ“. Литературная борьба съ затрогиваніемъ самихъ личностей осталась, повидимому, не чуждой и Кириллу Туровскому, у котораго есть довольно много мыслей, которыя могутъ быть отнесены именно къ Клименту. Сравнивая эти мысли съ тѣми, которыя высказалъ Оома въ посланіи къ Кіевскому митрополиту, невольно останавливаемся на ихъ сходствѣ и отсюда не заключаемъ, но дѣлаемъ предположеніе: не намекалъ-ли Кирилль въ своемъ сказаніи на Климента, однако, не называя его? Смоленскій пресвитеръ Оома, неизвѣстно насколько справедливо, упрекалъ Климента въ томъ, что онъ искательствомъ добился святительскаго сана (стр. 115 Н, 7 и 14 Л), — Кирилль Туровскій говоритъ вообще: „никто, живущій справедливо, вопреки закону не ищетъ священническаго сана“ (стр. 80), „не подражай мужамъ, восхищающимъ земную честь и власть“ (стр. 93); Климентъ, толкуя библейскій

текстъ (Быт. III, 22): *ἰδοὺ Ἄδὰμ ὑέγονεν ὡς εἷς ἐξ ἡμῶν*, переведилъ его „се бысть Адамъ яко и мы и яко единъ отъ насъ“ (стр. 15 Л, 106 Н),—вставка (Адамъ и мы), повидимому, обратила на себя вниманіе греческой партіи, и Кирилль Туровскій проповѣдуетъ: *Адамъ* „такъ вошелъ (въ рай), какъ церковникъ, недостойный іерейства, утаившій свой грѣхъ и пренебрегшій Божію заповѣдію, для высокаго имени и славнаго житія, дерзнувъ, вошелъ на епископскій санъ“ (стр. 80, ср. 81); *Θμα* укорялъ Климента за его гордость и похвалбу (стр. 13, 14 Л, 103—105 Н),—Кирилль произноситъ: „ничто такъ не пріятно Богу, какъ не превозношеніе принявшаго санъ, и ничто такъ не мерзитъ Ему, какъ самомнительная величавая гордость (стр. 81); Климентъ, объявленный греками нечестивымъ, былъ низведенъ съ престола,—въ проповѣди Кирилла читаемъ: „Господь лишаетъ неправедныхъ власти и изгонитъ нечестивыхъ отъ жертвенника“ (стр. 82); извѣстно, что Климентъ въ своихъ правилахъ вводилъ иногда такія особенности въ церковной практикѣ, которыя были чужды обычаямъ греческой церкви (стр. 4 Л),—Кирилль проповѣдуетъ о какихъ-то людяхъ, которые „по писанію, имѣютъ многихъ христовъ, дающихъ имъ инныя наставленія и заповѣди,—такія, какія они сами желаютъ“ (стр. 93). Если дѣйствительно Кирилль аллегорически говорилъ именно о Климентѣ, а не объ одномъ епископѣ *Θεοδωρῷ*, котораго онъ обличалъ, то для знанія личности кievскаго митрополита мы найдемъ въ сказаніи много новыхъ и интересныхъ данныхъ.

Кирилль Туровскій не можетъ назваться такимъ писателемъ, въ сочиненіяхъ котораго отобразилась бы современная ему эпоха. „Въ новый періодъ изслѣдователи русской исторіи и литературы постоянно обращаются къ сочиненіямъ Кирилла Туровскаго при описаніи русскаго быта въ древности“¹⁾; однако „реальныхъ русскихъ чертъ онъ допускалъ очень немного, и весьма ошибся бы тотъ, кто пожелалъ бы составить, по его сочиненіямъ болѣе или менѣе ясное понятіе о русскомъ бытѣ въ XII вѣкѣ“²⁾. Правда,

¹⁾ Рукописи гр. Уварова, II. стр. VIII.

²⁾ *Е. В. Лытучевъ*. Къ вопросу о Кириллахъ-авторахъ. Спб. 1887, стр. 5.

литературное направленіе, принятое имъ, отчасти существовало у насъ и ранѣе, значить Кириллъ не былъ одинокимъ по своему направленію писателемъ: но онъ весьма мало заботился о поученіи паствы, весьма мало принималъ къ сердцу интересы современной жизни; вспомнить о Борисѣ и Глѣбѣ, Антоніи и Феодосіи (стр. 231, 273, 275, 281), пожелать здравія князьямъ (стр. 59, 67, 279), посовѣтовать паствѣ читать святныя книги (стр. 73)¹⁾ и ждать отъ нея молитвъ (стр. 78, 102) — не означало еще его потребности въ постоянномъ назиданіи. Онъ всецѣло погружался въ область евангельскихъ толкованій, которыя старался передать слушателямъ по тетрадеѣ (стр. 63, 78, 84) въ наиболѣе легкой и пріятной формѣ. Голубинскій вѣрно охарактеризовалъ Кирилла, назвавъ его драматизирующимъ живописателемъ праздниковъ. „Хотя я и проникаю въ глубину божественныхъ книгъ,— писалъ онъ,—но по грубости разума говорю по просту“ (стр. 114). Простота проповѣди, какъ понималъ ее Кириллъ, и заключалась именно въ ея образности, картинности и драматизмѣ, которыя придали евангельскому тексту греческіе ораторы. Проповѣди послѣднихъ служили для него канвою, по которой онъ работалъ, и по сколькою такая работа самостоятельна, былъ самостоятеленъ. И митрополитъ Климентъ заявлялъ, что онъ писалъ просто, но простота рѣчи Климента не можетъ идти въ сравненіе съ простотою рѣчи Кирилла. Этою чертою и особенностью своего дарованія Туровскій епископъ рѣшительно выдѣляется среди современныхъ писателей: просто писалъ онъ для прочтенія паствѣ, просто писалъ онъ и лицамъ духовнымъ. Но въ его произведеніяхъ подмѣчено отсутствіе строгой логической послѣдовательности и неумѣнье сочетать отдѣльныя части проповѣди.

Представляя эти бѣглыя замѣчанія о Кириллѣ Туровскомъ, мы вовсе не имѣемъ въ виду дать сколько-нибудь полную картину его дѣятельности: время для надлежащей оцѣнки его литературнаго наслѣдства еще не наступило. Мы не знаемъ, сколько всего словъ имъ

¹⁾ Свѣдѣнія о томъ, что древне-русскіе писатели спасеніе полагали въ чтеніи св. книгъ, собраны у Н. К. Никольскаго (Климентъ, 27).

написано, да и изъ того, что мы имѣемъ подъ руками, не все еще сопоставлено въ связь съ греческими источниками. Пока не будутъ собраны все его сочиненія и пока они не будутъ критически изучены, всякій рѣшительный приговоръ о его дѣятельности будетъ нуждаться и въ поправкахъ, и въ дополненіяхъ, быть можетъ, даже въ существенныхъ измѣненіяхъ.

Доселѣ извѣстны и напечатаны слѣдующія сочиненія св. Кирилла Туровскаго: Слово въ недѣлю вай, на Пасху, антипасху, въ недѣлю третью о мирноносцахъ, о разслабленномъ, о слѣпцѣ, на Вознесеніе Господне, въ похвалу 318 отцевъ Никейскаго собора, о слѣпомъ и хромомъ (по краткой редакціи), притча о душѣ и тѣлѣ, сказаніе о черноризческомъ чинѣ, два посланія къ печерскому игумену Василию о монашествѣ и о схимѣ, большое число молитвъ, канонъ молебный, исповѣданіе и поминовеніе и, наконецъ, три слова въ недѣлю пятую по Пасхѣ, на пятидесятницу и о чтеніи священнаго писанія, принадлежность которыхъ св. Кириллу подлежитъ сомнѣнію. Слово о слѣпомъ и хромомъ и Притча о душѣ и тѣлѣ, принадлежность которыхъ Кириллу не оспаривается, представляютъ изъ себя двѣ редакціи одного и того же содержанія—краткую и полную. Этого пока достаточно для установленія того положенія, что Туровскому епископу не было чуждымъ время отъ времени возвращаться съ проповѣдью къ паствѣ по тому же вопросу, о которомъ онъ уже бесѣдовалъ: ежегодные праздники вызывали потребность произносить слова на ту же тему, и неудивительно, если у церковныхъ ораторовъ имѣется по нѣскольку словъ, посвященныхъ воспоминанію и объясненію того или другого праздника. Доселѣ извѣстны были только два слова, которыя Кириллъ произнесъ на одну тему, но, конечно, открывалась возможность найти и другія слова, которыя представляли бы именно лишь особую редакцію одного изъ напечатанныхъ его поученій, редакцію, связанную съ его именемъ. Между изданными его проповѣдями одна озаглавляется такимъ образомъ: „Слово на третью недѣлю по Пасхѣ, заключающее въ себѣ похвалу Іосифу Аримаѳейскому и мирноносцамъ“¹⁾.

¹⁾ Рукописи гр. Уварова, II. 25—35; Творенія Кирилла, изд. Евгенія, стр. 23—35.

Содержаніе его распадается на три части: въ первой разсказывается о плачѣ Богородицы при Крестѣ, о просьбѣ Іосифа для полученія тѣла Іисусова и о погребеніи Господа; во второй о мироносицахъ и въ третьей объ Іосифѣ. Для насъ непонятна мысль Кирилла въ словѣ въ недѣлю третью по Пасхѣ, распространяться главнымъ образомъ о крестной смерти Іисуса, — это онъ могъ сдѣлать въ проповѣди въ страстную недѣлю, и какъ теперь оказывается, онъ именно и сдѣлалъ: „Во святую великую субботу слово иже во святыхъ отца нашего Кирила епископа Туровскаго о погребеніи телеси Господа нашего Іисуса Христа и о плачи пречистой Богородицы і о Іосифе, иже отъ Арамаѳіа прииде во Іерусалимъ“, читаемъ въ рукописи XVI вѣка.

Разсматриваемое слово не есть что-либо новое ни по списку, ни по его содержанію. На рукописи его обращали вниманіе разные ученые, слово было даже напечатано въ Златоустѣ Супрасльской типографіи (1797 г. л. 204 об.—210¹), содержаніе его почти буквально то же, что и въ словѣ въ недѣлю Мироносицъ. Впрочемъ, это всеѣмъ не значитъ, что вопросъ былъ исчерпанъ и найдена разгадка этого памятника. Исслѣдователи не могли произнести опредѣленно выраженнаго сужденія о словѣ, ибо рукописи, которыми они пользовались, представляли изъ себя или только отрывки, на основаніи которыхъ рисковано было судить, и дѣйствительно высказывались неправильные взгляды, или содержали слово безъ означенія имени автора, что также представляло значительную трудность при разборѣ слова и служило для ученыхъ достаточнымъ основаніемъ относить его къ числу мнимыхъ сочиненій Кирилла²). Архіепископъ

¹) Говоря такъ, мы должны замѣтить, что въ этомъ сборникѣ помѣщено анонимное «Слово въ великій пятокъ страстныхъ недѣли, о снятіи Господни со креста и о погребеніи и о плачи пресв. Богородицы», начинающееся словами: «нынѣ же благообразнаго Іосифа съ мироносицами похвалимъ». Оказывается, что изданное въ 1797 г. Слово представляетъ изъ себя первую половину Слова въ недѣлю мироносицъ, но въ концѣ своемъ содержитъ заимствованія изъ издаваемаго нынѣ Слова. Въ частности мы руководились супрасльскимъ изданіемъ для восстановленія правильности чтеній настоящаго памятника.

²) Ср. М. И. Сузюмлиновъ. Рукописи гр. Уварова, II стр. XLV.

Черниговскій Филаретъ первый обратилъ вниманіе на Волоколамскій Турковскій сборникъ XVI вѣка (№ 290), въ которомъ находится выписка, между прочимъ, изъ слова Кирилла Туровскаго на великую субботу, начинающаяся словами: „Слышавъ Іосифъ, приблизился ко горько рыдающей Матери“, каковаго слова не находится въ изданіи Калайдовича ¹⁾; но затѣмъ онъ, замѣтивъ сходство текста его съ напечатаннымъ у Калайдовича словомъ въ третью недѣлю по Пасхѣ, перемѣнилъ свое мнѣніе, утверждая, что выписка изъ слова въ субботу соответствуетъ изданному слову въ недѣлю Мироносиць ²⁾. Почти одновременно, Горскимъ и Невоструевымъ была указана Синодальная рукопись XVII вѣка (№ 231), въ которой находится, между прочимъ, „Слово въ великій пятокъ на погребеніе Христово и о плачи святѣй Богородицы“, анонимнаго автора. Какъ видно изъ содержанія его, рассказаннаго описателями, слово это есть ничто иное, какъ „слово въ великую субботу св. Кирилла Туровскаго“ по рукописи Общества Любителей Древней Письменности. Тѣсная связь этого памятника со словомъ въ недѣлю Мироносиць, принадлежащимъ дѣйствительно св. Кириллу, была отмѣчена Горскимъ и Невоструевымъ, но они не допускали возможности отнести его къ числу произведеній св. Кирилла вслѣдствіе тѣхъ странностей, которыя обнаруживаются въ разности обоихъ текстовъ—рукописнаго и напечатаннаго у Калайдовича ³⁾. Болѣе осторожнымъ оказался въ семь случаевъ Голубинскій; разсматривая слово св. Кирилла Туровскаго въ недѣлю третью по Пасхѣ, онъ не

¹⁾ Исторія Русской церкви. Черниговъ 1862. I. 45; Русскіе святые. Черниговъ, 1865, апрѣль, стр. 556. Описаніе рукописи; предложенное Строевымъ, къ сожалѣнію, очень краткое (изданіе Общества, № ХСVIII. 116—117): «Рукопись на бумагѣ, на 506 листахъ, скорописью разныхъ почерковъ. Содержитъ сборникъ разнаго рода духовныхъ отрывковъ, какъ-то изъ священнаго писанія, церковныхъ правилъ, твореній святыхъ отцевъ, поученій, житій святыхъ и т. п. На концѣ листа 499 помѣщено: Слово Максима Грека къ смѣющимъ трици глаголати аллилуіа чрезъ преданія церковная, и четвертое слава Тебѣ Боже. Сія рукопись составлена въ 7070 или 1562 году повелѣніемъ Θεодосія архіепископа Великаго Новаграда и Пскова учениками его Іереміемъ и Евеніемъ (Турковымъ)».

²⁾ Ученіе объ отцахъ церкви. Спб. 1882², III. 334.

³⁾ Описаніе синодальныхъ рукописей. М. 1862. II. 3 (III). стр. 98.

могъ не указать на анонимное слово такого же содержания въ Синодальной рукописи, которое, по его мнѣнію, „представляетъ собой или его оригиналь, или его копію, но, какъ вѣжеться, послѣднее; полагаемъ, однако,—говорить онъ,—что окончательное или, по крайней мѣрѣ, рѣшительное сужденіе должно быть отложено до новыхъ розысковъ ¹⁾. Къ сожалѣнію, Голубинскій упустилъ изъ виду находку архіепа. Филарета и супрасльское изданіе: воспользуйся ими, онъ не затруднился бы придти къ мысли, что слово св. Кирилла Туровскаго въ великую субботу (или пятокъ), имѣющее извѣстныя отличія отъ слова въ недѣлю Мироносиць, дѣйствительно принадлежитъ ему. Въ Торжественникѣ, рукописи XVI вѣка, только что приобрѣтенной Императорскимъ Обществомъ Любителей Древней Письменности, находится въ полномъ видѣ слово св. Кирилла Туровскаго въ великую субботу, третій извѣстный теперь списокъ разсматриваемаго памятника.

Итакъ, подтверждается новое слово св. Кирилла, въ субботу, или, правильнѣе, въ пятокъ страстныя седмицы, слово, которое почти дословно повторяется въ другомъ, изданномъ, его словѣ—въ недѣлю Мироносиць. Сходство обоихъ текстовъ служило достаточнымъ основаніемъ для древне-русскихъ писцовъ издавать лишь полную редакцію съ оговоркою, что эту редакцію можно читать и въ страстную недѣлю: въ Торжественникѣ Общества, рук. XV вѣка, послѣ заглавія напечатанной проповѣди: „Кирилла мниха слово о снятіи тѣла Христова съ креста, и о мироносицахъ, отъ сказанія евангельскаго, и похвала Іосифу“ прибавлено писцомъ: „Рекъ надписаніе, отселѣ чѣти въ великъ суботѣ“; въ другой рукописи XVI в. замѣчено: „доселѣ чѣти великій пятокъ тамо напереді писанъ“. Это же сходство, прежде всего бросающееся въ глаза, подкупило и архіепископа Филарета правильно высказанное сужденіе измѣнить на неправильное ²⁾; но если бы онъ сличилъ до конца оба текста,

¹⁾ Исторія Русской церкви. М. 1880 I. 1, стр. 664.

²⁾ И. И. Малышевскій, не имѣвшій въ рукахъ волоколамскаго сборника, но судя по началу, видѣвшій сходство слова съ извѣстнымъ словомъ св. Кирилла, замѣтилъ, что архіепа. Филаретъ потомъ *исправилъ свою ошибку*. См. Творенія св. Кирилла Туровскаго, изд. преосв. Евгенія. Киевъ 1830, стр. XCIV.

онъ, конечно, остался бы при своемъ первомъ мнѣнїи, а именно, что слово св. Кирилла въ субботу отличается отъ его слова въ недѣлю Мироносиць какъ по своему заглавію, такъ и по редакціи текста.

Источники его вообще извѣстны: для рѣчи Іосифа—Епифаній Кипрскій, для плача Богородицы—два канона на плачь Дѣвы, составленные Симеономъ Метафрастомъ ¹⁾. Сличеніе издаваемого слова со словомъ въ недѣлю Мироносиць приводитъ къ мысли, что Кириллъ Туровскій переработалъ ранѣе сказанное имъ слово, далъ ему ббльшую стройность, выпустивъ большинство искусственно наизнанныхъ сравненій, и вообще приспособилъ слово ко времени и событію. Но какъ и при всякомъ пересмотрѣ, здѣсь явился прежній текстъ въ исправленіи съ прибавленіемъ новыхъ мыслей и сравненій, причемъ дѣло не обошлось безъ апокрифа. Существенныя отличія двухъ текстовъ слѣдующія:

Кириллъ: Слово о Мироносицахъ.

Кириллъ: Слово въ великую субботу (пятокъ).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Послѣ Пасхи и Фоминой недѣли Кто возглаголетъ наступаетъ недѣля Мироносиць; пости Христовы? посему мы и похвалимъ Іосифа съ Мироносицами.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Іосифъ видѣлъ померьшее солнце и При страданіи Господа землю трясушуюся (по Матеею). свѣтъ померкъ и луна звѣздами не сіяла.

БОГОРОДИЦА.

1. Солнце померкло, показывая жидовское окамененіе. Солнце померкло, показывая жидовское беззаконіе.

¹⁾ М. И. Сухомлиновъ, стр. XXVII и сл.

2. Гавріиль рекъ: „Радуйся благодатная Господь съ тобою“ и называлъ Иисуса царемъ и сыномъ Всевышняго, спасителемъ міра, жизнедавцемъ для всѣхъ.	Гавріиль сына и Бога называлъ Спасомъ и творцемъ міра.
3. Не хочу болѣе жить, но желаю предварить тебя во адѣ.	Тужу: хотѣла бы съ тобою умереть.
4. Гдѣ нынѣ лики 70 учениковъ твоихъ?	Гдѣ ли 12 ученикъ?
5. Не зная тебе человѣка.	Не зная тебѣ творящеся.
6. Просвѣтилъ многихъ слѣпыхъ и воскресилъ мертвыхъ.	Многихъ слѣпыхъ просвѣтилъ.
7. Приходите и взирайте на таинство Божіяго смотрѣнія: какъ Всевоскресившій умерщвленъ проклятою смертію.	<i>Опущено.</i>
8. вѣнецъ, который получишь по воскресеніи Христовомъ; этотъ сугубый вѣнецъ — честная слава тебѣ и поклоненіе отъ всѣхъ концовъ земли.	Вѣнецъ, иже приимеши, честь и поклоненіе.

І о с и ф ѣ .

1. Иосифъ не сказалъ „жрецы на меня возстанутъ и озлобятся, іудеи вознегодуютъ и побьютъ меня, фарисеи разграбятъ мои сокровища и я буду отлученъ отъ ихъ общества“. Нѣтъ, онъ ничего не сказалъ подобнаго и не заботясь о сохраненіи жизни, все вмѣнилъ за уметы, да Христа приобрящеть.	Иосифъ не убояся фарисейскаго страха и не пощадѣ живота своего, да Христа приобрящеть.
2. Иисуса книжники называли сыномъ Божиимъ и фарисеи исповѣдывали	Иисуса книжники и фарисеи называли царемъ.

царемъ. (NB. По Маттею, Марку и Лукъ, Его называли сыномъ Израилевымъ и царемъ Иудейскимъ).

3. *Длинные выписки изъ прообразованій Христа, приводимыя отъ лица Иосифа и вводящія гармоніи частей—*

4. Я хочу положить его въ своею гробъ.

5. *Пилатъ разрѣшилъ похоронить Иисуса* (по Марку).

6. *Снятіе со креста* (по Іоанну).

7. какія погребальныя пѣсни о твоей смерти я воспую?

8. *опущено.*

опущены.

Вамъ уже нѣтъ пользы въ мертвомъ тѣлѣ.

Пилатъ разрѣшилъ похоронить Иисуса (по другимъ евангеліямъ).

Снятіе со креста (по другимъ евангеліямъ).

какія гробныя пѣсни воспую и ходу твоему Владыко, ему жъ въ вышнихъ.

Господь сказалъ Иосифу: Чему несешь мя, а не поешь? и глагола Иосифъ: Что велиши Господи? И глагола Господь: Пой „Святый Боже“.

Б о г о р о д и ц а .

Дѣва видѣла, какъ полагали Иисуса (по евангеліямъ).

Прочитаніе Дѣвы, слова Господа и Богородицы.

Трудно допустить, чтобы столь значительная разность текстовъ была плодомъ безцеремонныхъ писцовъ: сознательность работы не подлежитъ никакому сомнѣнію, необходимо только точно установить текстъ Слова въ субботу на основаніи рукописей, стараго изданія и списковъ Златоуста, куда это слово вошло составною частью. Впрочемъ, работа возстановленія текста сопряжена съ огромными трудно-

стями по двумъ причинамъ: 1) слово въ Златоустахъ, какъ замѣчено уже, написано подъ вліяніемъ Слова въ недѣлю Мироносиць и 2) оно и само по себѣ дошло въ рукописяхъ, значительно отличающихся другъ отъ друга по стилю. Особенно любопытною чертою новаго текста является, конечно, повелѣніе умершаго Іисуса пѣть надъ нимъ „Святый Боже“. Откуда заимствовалъ Кириллъ этотъ апокрифъ? Церковная пѣснь эта, какъ извѣстно, появилась въ употребленіи въ позднее время и, стало быть, апокрифъ, связанный съ нею, явился у позднѣйшихъ греческихъ проповѣдниковъ. Въ апокрифическомъ сказаніи св. Іоанна Богослова объ Успеніи Богородицы, когда Господь повелѣлъ ап. Петру пѣть надъ гробомъ Маріи, Петръ запѣлъ: „Вся силы небесныя отпѣша: аллилуія“; напротивъ, по слову Іоанна Солунскаго (кон. VII в.) о томъ же предметѣ, на просьбу апостоловъ Петръ запѣлъ: „Изыде Израиль изъ Египта: аллилуія“, Господь же со ангелы во облацѣхъ суще пояху невидимо. Подробное изученіе греческой проповѣднической литературы, быть можетъ, дастъ ключъ къ уразумѣнію и искомаго апокрифа.

ВО СВЯТУЮ ВЕЛИКУЮ СУБОТУ

слово ижъ во святыхъ отца нашего Кирила епископа Туровьскаго о погребеніи телеси Господа нашего Исуса Христа и о плачи пречистой Богородицы і о Іосиее, иже отъ Арамаоня прииде во Іерусалимъ.

Благослови отче.

Възлюбленіи, кто возглаголетъ силы и чюдеса Господня ¹⁾, или кто можетъ извещати страсти его? Солнце бо виде Господоу Богу досажаемоу, свѣтъ свои помрачи, а луна звездами не сияше во время страсти (Спасовы. Иосиѣ же страшная видѣ въ твари ²⁾ чюдеса, страха исполнися и дивляшеся; и прииде отъ Арамооня во Іерусалимъ и обрѣте тѣло Исусово на крестѣ наго и прободенно висяще и Марію матеръ его со единымъ оученикомъ ту предстоящу ³⁾ и яже отъ болѣзни сердца горько рыдающе сице глаголаша: „Тварь соболѣзнуеть ⁴⁾ ми, сыну, твое видяще без правды оумерьшвеніе. Оувы мнѣ, чадо мое, свѣте, творче тваремъ, что нынѣ восплачу: заоушенія ли, или по плещамъ бѣнна, оузы же и темница, заплеванія святаго ти лица яжъ отъ беззаконникъ за благая приять. Оувы мнѣ, сыне невинныи! како поруганъ бысть и на крестѣ смерть вкуси? Како ты терниемъ венчаша и ⁵⁾ желчи оцетомъ напоиша, пречистая ти ребра копиемъ прободоша? Оужасеся небо и земля трепещетъ иудейскаго не терпящи беззаконнаго дръзновенія, солнце померче, ка-

¹⁾ Псал. СV. 2: кто возглаголетъ силы Господни.

²⁾ *рук.*: тварь.

³⁾ *рук.*: предстояще.

⁴⁾ *рук.*: в' болѣзнуеть.

⁵⁾ *рук.*: ижъ.

мене распадется, жидовское являючи безаконие. Вижу тя, чадо мое любимое, на крестѣ нага висяща, бездушна и беззрачна, не имуща видѣнія, ни доброты, горко оугазвляюся душею. Чадо, не тръплю тебѣ бездушна зрѣти, хотѣла быхъ оумрети с тобою; радость бо мнѣ отселе никакожъ не прикоснется; свѣтъ бо мой и надежа и животъ сынъ и Богъ на древе оугасе. Гдѣ, ми чадо, иже древле Гавриль благовести, ижъ Сына и Бога нарицаше Спаса и творца миру, грехомъ потребителя. Нынѣ же тебѣ аки злодѣя зрю, повѣшена среди двою разбоинику, мертва, копиемъ прободенна; сего ради горко изнемогаю и тужоу: хотѣла быхъ, чадо, с тобою оумрети: моя бо радость и веселие Сына и Бога лишена быхъ. Оувы мнѣ, Сыноу! о страннѣмъ ти ¹⁾ рождестве тако ²⁾ не болѣхъ, какожъ нынѣ оутробою растерзаюся, твое видяще тѣло пригвожденно ко древу твоему. Преславно бо рождество Исусе, а нынѣ страшное твое оумершвеніе отъ ненасіяныя оутробы единъ проиде цѣлы печати моего дѣвства соблюде ³⁾, матеръ мя своего воплощенія показа, а Дѣвою мя сохрани. Знаю твое, чадо, за Адама постраданіе, но рыдаю душевною обията горестию, дивящися твоего таинства глубине. Слыши, небо, и море с землею внушите моихъ словесъ рыданія! Се вашъ творецъ отъ священникъ сътрасти приемлетъ, единъ праведникъ за грѣшники. Днесъ Симионово мя постиже прорицаніе: копие ми душу нынѣ проходитъ, видяще твое отъ воинъ ⁴⁾ поруганіе. Оувы мне, кого к рыданію призову, или с кѣмъ изолью потоки слезъ моихъ: вси бо ты оужыки и друзи оставиша, твоихъ, Христе, насладившися чюдесъ. Гдѣ ли 12 оученикъ? гдѣ ли верховніи апостоли? Ово ⁵⁾ бо ты лестию Фарисеомъ преда, а другіи страха ради жидовскаго отвержеса с клятвою, аки не зная тебе творящеса. Но единая, Боже мой, раба твоя предстою ти со хранителемъ твоихъ словесъ, со возлюбленнымъ ти оученикомъ. Оувы мнѣ, Исусе, драгое имя! како стоитъ земля,

¹⁾ Рук. страннѣи мати.

²⁾ Рук. како.

³⁾ Рук. соблюди.

⁴⁾ Рук. и прорицаніе ко ходитъ видяще твое отъ воинъ видяще твое отъ воинъ.

⁵⁾ овъ?

чююще ты на себе на крестѣ висѣща, иже на водахъ землю въ начатце основалъ еси, слѣща многи просвѣтилъ еси“. Иосиѣ же слышавъ горко рыдающе Марію, и прииде къ ней; она же, видевши его молебными глаголы вопиаше къ нему: „Подщися, благообразне Иосиѣе, иди къ Пилату, испроси сняти со креста тѣло оучителя твоего и моего Сына и Бога, подвигнися, причастниче Христову оученію, апостоле и обѣщаниче царствія,—испроси тѣло бездушно, пригвожденное ко древу, прободенное в ребра, потѣщися сугубаго ради венца, иже приимеша: честь и поклоненіе, а на небеси жизнь вѣчную“. Оумиливъжеса Иосиѣъ плачевными глаголы и не оубояся Иосиѣъ еарисеискаго страха и не пощадѣ живота своего да Христа приобращеть: дерзновенно въниде къ Пилатуу и рече ему глаголя: „Пилате, дай жѣ ми тѣло страннаго оногo Иисуса распятаго между двема разбойникама, оклеветаннаго отъ архиерѣи завистию и пороуганна отъ воинъ бес правды; дай же ми тѣло Иисусово, его жѣ книжницы и еарисеи царемъ имяноваху; дай жѣ ми тѣло, о немже рече Каиаѣа, тако тому единому за весь миръ оумрети; дай жѣ ми тѣло сего распятаго, ему же восходящу въ Іерусалимъ, его жѣ свѣтми срѣтаху младенцы, глаголюще: *Осанна, сыну Давидовъ*, его жѣ гласъ оуслыша адъ и отпусти душу Лазареву, четверодневна суца; дай жѣ ми тѣло сего мертваго, его жѣ мати не позна мужеска ложа—Дѣвою породѣ; дай жѣ ми тѣло сего оумершаго: о немъ отецъ ¹⁾ послушествоваше, въ Іердане крестящуся емоу, и глаголя гласъ: *Сеи есть сынъ мой возлюбленный, о немъ же благоволихъ*“ ²⁾, и о немже духъ святый Исаиѣмъ глаголя, *такѣ овца на заколеніе веденъ бысть* ³⁾ отъ незаконныхъ людей, и преданъ бысть на смерть; дай жѣ ми, Пилате, тѣло Иисусово сняти со древа: оуже бо вамъ не польза в мертвомъ тѣле, оуже бо на немъ ⁴⁾ вся исполнишася пророчества *се бо наше болѣзнь понесе законны пострада: раною бо его вси исцелихомъ*“. Оумоливъ же Иосиѣъ Пилата, и дасть тѣло

¹⁾ рук.: отцы.

²⁾ Матѣ. III. 17,

³⁾ Исаія LIII. 7.

⁴⁾ рук.: на насъ.

Иосиѣу на погребеніе, како жъ хочеть. И купи плащаницоу и снятъ Иосиѣ тѣло Іисусово со креста съ Никодимомъ и обвѣста тѣло Іисусово въ плащаницу, помазавше его миромъ. И вопиаше глагола сице Иосиѣ со слезами плачася глаголаше: „Солнце не-заходимое, творче всѣмъ тваремъ, Господи, како пресвятемъ прикоснуса тѣлу твоему, неприкосновено сущу небеснымъ силамъ? Какою ли плащаницею обвѣю тя, повивающаго небо облакы, или кое миро возлию на святое твое тѣло, иже тебѣ дары со благоволеніемъ принесоша перьстїи царие і яко Богу поклони[ша]ся и прообразующе твое за весь миръ оумертвение. вѣя гробныя воспую пѣсни и ходу твоему Владыко, емоужъ в вышнихъ херувими не молчно гласы вопиють? како ли понесу ты на руку мою рукою ти вся здер[жа]щаго? како ли положу ты въ хоудыи сеи гробъ, небесныи кругъ словомъ оутвердившаго, со отцемъ и с духомъ на херувимѣхъ почивающаго, — си бо вся волею претръпѣлъ еси: идени бо Владыко во адъ да Адама со Евгою введени в рай и прочая мертвеца с нимъ воскресиши силою своего Божества“¹⁾. И прогласи Господь Иосиѣу: „Чему несеши мя, а не поешы?“ И глагола Иосиѣ: „Что велиши, Господи, пѣти?“ И глагола Господь: „Пой: Святыи Боже“. И нача Иосиѣ пѣти с Никодимомъ: *Святы Боже, Святыи Кръпки, Святыи Безсмертныи помилуй насъ*. Тѣмъ же сицѣ възглаголаша: „Погребу ты, Боже мой, како наученъ есмь святымъ твоимъ духомъ“. И принесоша и положиша во гробъ. Чистая жъ Дѣва плачущиися рече: „Сладости мнѣ не прикоснется отселѣ никакоже: свѣтъ бо мой и радость моя во гробъ заиде. О, жены мирносицы²⁾, рыдайте горко и плачите со мною: се бо свѣтъ мой и вашъ оубьенъ бысть и гробу преданъ; нынѣ бо моего отчаянія³⁾ и радости и ве[се]лия, Сына и Бога липенна быхъ. Оувы мнѣ! болю сер[д]цемъ, солнце незаходяи, Боже превѣчныи, творче всѣмъ тваремъ, како во гробъ

¹⁾ *изд.*: твоего Божества силою. Тѣмже сице възглашая: Погребу ты Боже мой милостиве якоже наученъ быхъ святымъ Духомъ, Святыи Боже, святыи Кръпкїи, святыи Безсмертныи помилуй насъ. Принесше же положиша и во гробъ и привалиша камень великъ къ дверемъ гробу. Чистая жъ...

²⁾ *съ изд. нрб.*: что стоите.

³⁾ *изд.*: чаянія.

заиде и не глаголеши ли слова рабе твоеи, Слово Божіе? не оудиши ли, Владыко, тебѣ рожшую? помышляю бо, како кому гласа твоего не оуслышу, ни доброты лица твоего не оузрю. Оуже бо заиде отъ очию моею Сыне мой, ни отъ гроба твоего, чадое мое, востану, ни слезъ преста¹⁾ точащи раба твоя. Оувь мнѣ, Сыну мой! почто мя едину остави? но иду с тобою в мални гробъ твой; молю ти ся, Сыну мой, Боже мой, душевною гзву исцѣли, Сыну, чадое мое, воскресни тридневно, такожь обещае самъ, престаи ми болѣзни горькия и печаль на радость преложи; можешы, елико хочешы, аще и погребешы волюю“. Господь в тайне рече: „О, Мати моя! како оутайтсѣ бездна щедротъ моихъ: тварь бо мою хотяи спасти²⁾ и оумертвитисѣ изволихъ, но воскресну въ 3 день, на небеси и на земли славимъ“. Дѣвая жъ Мати, слышавше Господа рекъша, і иде во свояси, глаголюще: „Воспою милосердіе твое, Христе Боже нашъ, и кланяюся, Боже, милости твоеи, челоуѣколюбецъ, созданіе свое хотя спасти. Се изволи прияти, Христе Боже мой многомилостиве, долготръпѣливе, о Христѣ Ісусѣ Господѣ нашемъ, ему жъ слава нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь“.

¹⁾ изд.: престану.

²⁾ изд.: тварь бо мою хотя спасти стражду. Мы же грѣшніи хвалимъ и славимъ Святую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ.

